

Наташа
Киселева

ПОРТРЕТЫ И ВСТРЕЧИ

Наталья Мацуева

Портреты и встречи

«Остеон-Групп»

2019

Мацуева Н. Л.

Портреты и встречи / Н. Л. Мацуева — «Остеон-Групп» , 2019

В своей новой книге врач и литератор Наталья Мацуева, член Московского отделения Союза писателей РФ, рассказывает о незабываемых событиях и встречах на жизненном пути; о своём увлечении русской классикой, побудившем углубиться в медицинские аспекты судеб великих писателей, о своём любимом Пушкине и его потомках; отдаёт должное своим учителям в профессии, медикам, для которых работа означала служение. Невыдуманные истории, очерки и портретные зарисовки передают мироощущение автора – равнодушие к происходящему вокруг, жизнелюбие, милосердие. Большой раздел избранных стихов Н. Мацуевой подкупает искренностью интонации, разнообразием образов, красок, сюжетов.

© Мацуева Н. Л., 2019

© «Остеон-Групп» , 2019

Содержание

Дар вдохновенной жизни	6
Надюша	8
Последний приют	14
Мой светлый учитель и друг	15
Мой светлый учитель и друг	16
Роскошь человеческого общения	21
Скромный человек богемы	28
Угасла поэта жизнь...	33
Смерть Пушкина: мифы, легенды, реальность	33
Угасла поэта жизнь...	36
Портрет через столетия	37
Масштаб гения	46
«Болдинская осень» и другие фазы	48
Мирный исход не предусмотрен	52
Роковой час	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Наталья Львовна Мацуева

Портреты и встречи

© Н.Л. Мацуева, 2019

* * *

Из прошлого мы должны брать огонь, а не пепел.
Жан Жорес

Дар вдохновенной жизни

Замечено: «оптика» врачей отличается от видения мира другими людьми. Кто ещё по роду деятельности постоянно соприкасается с таким количеством и разнообразием индивидуальностей, людей страдающих, причём в самых разных житейских, нравственных, социальных обстоятельствах... «Медик знает о человеке всё самое худшее и самое лучшее, – писал имевший врачебную практику Сомерсет Моэм. – Когда человек болен и испуган, он сбрасывает маску, которую привык носить здоровый, И врач видит людей такими, какие они есть на самом деле – эгоистичными, жестокими, жадными, малодушными; но в то же время – храбрыми, самоотверженными, добрыми и благородными...»

Во все времена врачи брались за перо: бесценный материал жизненаблюдения накапливается и порой требует выхода в художественном повествовании, (Кто тут не вспомнит Чехова, Булгакова, Вересаева..) Как сказал остроумный Михаил Жванецкий, «любая история болезни – это уже сюжет».

В древности медицина считалась составной частью философии. Врачи постигали человека – его тело, и душу, и причины болезней; изыскивая способы излечения, сочиняли трактаты, в которых касались не только медицинских тем. Врачи-мыслители, похоже, остаются в прошлом. «Сегодня врачи, пожалуй, уже не принадлежат гуманитарному миру, – сожалеет писатель Аюдмила Улицкая. – С тех времён, когда медицина перестала быть только искусством врачевания, а стала ещё и наукой, сам её объём увеличился в тысячи раз. Всё реже мы встречаем среди врачей таких высококультурных людей, какими были медики девятнадцатого века. Никакого упрёка! Сегодня для получения профессии врача нужно от десяти до пятнадцати лет серьёзнейшего обучения...»

Плеяда ногинских медиков – Дивавин, Попова, Балясов, Лескин, Петрова и многие другие, о ком вспоминает в этой книге врач-кардиолог Наталья Мацуева, – это как раз носители высокой культуры, лучших качеств русской интеллигенции: гуманизма, самоотверженности, новаторства, широты взглядов, богатства внутреннего мира. Это дорогие её сердцу предшественники и учителя в профессии, для которых работа означала служение. Вместе с ними Мацуева, несомненно, принадлежит гуманитарному миру, потому что «в их поле зрения не только пациент, страдающий человек, но и безбрежное море гуманитарной культуры».

За плечами Н.А. Мацуевой – десятилетия врачебной практики, бесценный опыт, бессчётное число возвращённых к жизни людей. А в творческом багаже – организованные ею многочисленные семинары, конференции, университеты здоровья, созданный когда-то её стараниями музей родной Глуховской больницы (почему-то упразднённый в новые времена), разнообразные публикации в прессе... А ещё – три поэтических сборника: «Весенний снегопад» (1998), «Нам даровано жить» (2007) и «Давайте будем счастливы» (2013). Они были тепло встречены читателями и оценены литературным сообществом: Н.А. Мацуева стала членом Московского отделения Союза писателей РФ и за третий сборник удостоена Лермонтовской медали. Её увлечённость, неуспокоенность, жажда познания, чуткость к людям и ко всему происходящему видны в работе – нелёгкой и в высшей степени ответственной у заведующей кардиологическим отделением, – и в общении с любым человеком, и во всяком свободном занятии. Пожалуй, это главный из всех даров, которыми Наталья Львовна щедро наделена, – дар вдохновенной жизни, В нём вмещается всё: высокий профессионализм, милосердие, искренность в любви и дружбе, тяга к прекрасному, литературные наклонности...

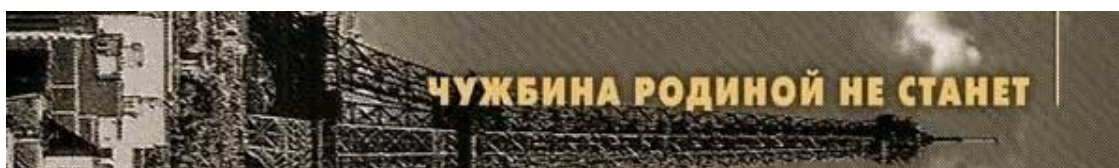
Все эти дары сполна раскрываются в новой книге Натальи Львовны Мацуевой, На сей раз это не только стихи, но и зарисовки, очерки о людях, событиях, временах. Страницы истории, интересные встречи на жизненном пути, потомки любимого Пушкина, медицинские

аспекты судеб писателей-классиков... Всё живо, всё близко автору – и нам вместе с ней – в гуманитарном мире, где главенствуют человечность и культура.

*Наталья Боброва,
член Союза журналистов России*

Надюша

Непридуманная история

...Сергей Петрович собирался в Париж! Вдруг нашлась его родная сестра Надюша, с которой он расстался в 1945 году в немецком концлагере под Мюнхеном...

Это было несколько лет тому назад. В нашей стране уже произошла перестройка, рухнул «железный занавес» и нам открылись дороги в мир. Случай познакомил меня с Сергеем Петровичем, милым, интеллигентным человеком, неразговорчивым, сдержанным в выражении своих чувств и, как мне показалось, не очень здоровым. Но тогда он был как будто на взлёте, и было удивительно, куда исчезли его грусть, неразговорчивость. У него появилось столько энергии, бодрости, что свои подозрения о его нездоровье мне пришлось подвергнуть сомнению. Сергей Петрович собирался... в Париж! И поведал мне историю, о которой никогда раньше не рассказывал.

НАДЮША

Непридуманная история

Всё произошло неожиданно. Дело в том, что после долгих безуспешных поисков, не оставлявших надежды в течение многих лет, вдруг нашлась его родная сестра Надюша, с которой он расстался в 1945 году в немецком концлагере под Мюнхеном. Узниками этого лагеря

были в общей сложности 250 тыс. детей разных возрастов из 24 стран, из них около 70 тыс. были убиты и замучены, в том числе 12 тыс. советских детей. Когда брата и сестру угнали в концлагерь, было им 14 и 13 лет. Сергей Петрович всё хорошо помнил: как их вместе с другими детьми везли в товарном вагоне, как от страха они прижимались друг к другу, как на границе каждому выдали жестяной номер для «постоянного ношения» вместо имени и фамилии, как одели в полосатые костюмы, а утром под конвоем выводили на работу в депо, где приходилось чистить и мыть колёса паровозов, идущих на фронт. Когда двигались составы с орудиями или снарядами, ребят сажали в ряд вдоль железнодорожного полотна как живой щит русские лётчики, видя сидящих детей, не открывали огонь по составам Многие дети гибли от голода и болезней, многие – от «экспериментов» немецких докторов над ними...

Сергей и Надя, к счастью, остались живы, пройдя жернова гитлеровского концлагеря. В апреле 1945 года лагерь был освобождён, а Сергей и Надя потерялись. И все эти годы он и мать искали Надюшу и надеялись, надеялись... Уже и мамы давно нет, и вдруг – письмо из Парижа от сестры с просьбой приехать. Это было невероятно!

Сергей Петрович поделился со мной своей радостью. У меня в столе лежал вышедший тогда мой первый сборник стихов «Весенний снегопад»; я отметила жирной галкой стихотворение «Последний приют» и сказала: «Прочтите, пожалуйста, это вашей сестре и непременно

побывайте на кладбище Сен-Женевьев де Буа и там обязательно зайдите в Успенский собор, поставьте свечи за упокой наших соотечественников – эмигрантов первой волны во Франции, покинувших Россию после 1917 года и Гражданской войны.

И ещё: поклонитесь могиле Ивана Алексеевича Бунина – это мой любимый писатель. Такая вот великая просьба к вам...» Сергей Петрович обещал выполнить.

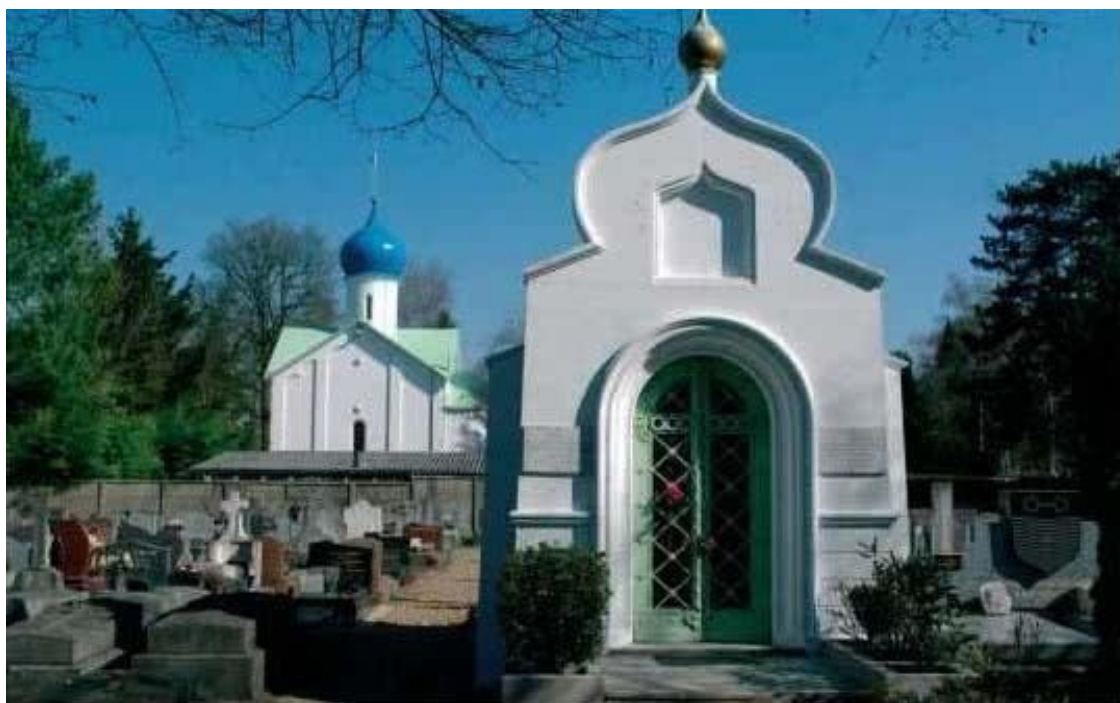

Могилы Ивана Бунина и его супруги

Мне, конечно, хотелось узнать о судьбе Надюши: как она попала во Францию, почему долгие годы не давала о себе знать. Но, честно говоря, на новую встречу с Сергеем Петровичем я не надеялась, только думала, как он всё выдержит?! Ведь и горе и радость – это стресс, а для больного сердца это безразлично. Но прошло некоторое время, и вдруг Сергей Петрович предстал передо мной помолодевший, повеселевший, одетый с «не нашей» строгой элегантностью – в сером костюме, красивой рубашке с галстуком «Надюша придела», – смущённо улыбаясь, сказал Сергей Петрович.

Мы нашли маленькое тихое кафе, удобное для беседы, и просидели часа три. «Начну с того, – говорил Сергей Петрович, – что я совсем не узнал Надюшу. В моей памяти она навсегда осталась подростком. А здесь – гранд-дама... но улыбка, глаза – всё те же. Мы долго плакали, обняв друг друга. Тогда, в апреле сорок пятого, когда мы потерялись, от разорвавшегося рядом снаряда Надю контузило. Она потеряла сознание и сама не поняла, как оказалась

в госпитале в другой стране – во Франции. Её выходили. Позже она, как и другие, пыталась вернуться домой. Слушала радио, рассказы очевидцев и узнавала, что всех, кто по репатриации возвращался на родину, обвиняли в измене и судили, приговаривая к ссылке на 10 лет. По пересечении границы сажали в зарешёченные “телячьи” вагоны и отправляли в лагерь, в Сибирь; документы отбирали; в редких случаях кому-то чудом удавалось остаться незамеченным для НКВД. Но самое страшное – преследовали и родственников, живших в России, чего все боялись больше всего. Так люди становились невозвращенцами, эмигрантами, вынужденно покинувшими родину. Они начинали испытывать непонятное чувство вины – в чём же она была, их вина? – и страх, который вырывался на свободу ночью, страх за себя, за родных, за будущее. Научились жить осторожно, с оглядкой, не гнушаясь никакой работы. Образовался некий маленький союз друзей по несчастью, объединённых памятью о прошлом и мечтой когда-нибудь вернуться домой. Культ прошлого становился их страстью, но они доживали свой век в Париже, на чужбине, которая так и не стала их родиной. Каждое воскресенье шли на слркбу в православный храм и неистово молились...

Православная часовня (на переднем плане) и церковь Успения Пресвятой Богородицы на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем, в которой отпевали многих наших соотечественников, чьи имена вошли в историю

Но Надюше всё-таки повезло. Она встретила во Франции свою любовь, вышла замуж за француза, приличного работающего человека, благодаря ему у сестры появился свой дом. Сначала они с мужем едва сводили концы с концами, а потом дела пошли в гору. Муж оказался одержимым манией строительства, всё строил и перестраивал... Наконец остановились и открыли маленькое кафе, Надюша придумала название – “Катерина”, в честь мамы. В кафе потянулись русские, здесь встречались, общались... Жили как одна семья».

«У Нади, – продолжал Сергей Петрович, – обнаружился особый дар дружелюбия, душевного общения с людьми, умения располагать их к себе. Возможно, поэтому ей удалось под парижским небом создать подобие родины. А её кулинарное искусство помогло представить русскую кухню как часть национальной культуры. Кафе полюбили и французы, приходили специально отведать щей из квашеной капусты, похлёбки старорусской, окрошки, пирогов и других разносолов, которые готовила Надюша в горшках и чугунках. Я удивлялся, ведь из России сестра уехала тринадцатилетним ребёнком, где всему научилась?.. Да... Я часто думал, как безжалостно сначала война, а потом государство ворвались в судьбы людей и перекроили их, а сколько и сломали...»

Но Надя, пройдя этот путь, не сломалась, не потерялась, и Сергей Петрович радовался за неё. Она оказалась большой труженицей: жизнь и работа начинаются у неё рано, в семь часов она уже на ногах. Родились сыновья, Серж и Леон.

Когда Мишель умер, Надя растерялась. Как жить дальше без мужа? Но сыновья взяли большую часть работы на себя: Серж завозил продукты, стоял за барной стойкой, а Леон оказался прирождённым шеф-поваром и всё делал с большой любовью. Племянники понравились Сергею Петровичу своей выдержанностью, приветливостью, трудолюбием. Они хорошо говорили по-русски и, как понял Сергей Петрович, читали наших классиков, интересовались своими русскими корнями.

Серж и Леон показали Сергею Петровичу Париж и его достопримечательности: Эйфелеву башню, Лувр, Елисейские поля, а Сергей Петрович, в свою очередь, пообещал показать племянникам Москву и Петербург.

Каждый вечер в кафе собирались друзья Нади и всякий раз, как и в день приезда Сергея Петровича, говорили о России: их интересовало всё, они были в курсе событий и происходящих у нас в стране изменений.

«Выпивали водочки, ели русскую еду... И надо же мне было однажды встать и вместо тоста прочесть ваше стихотворение: “Славянский погост близ Парижа...” Что здесь началось! Вы себе представить не можете, – рассказывал Сергей Петрович, – какую бурю чувств оно вызвало, люди плакали навзрыд, в голос. Я не знал, как их успокоить... Как вам удалось проникнуть в их души? И я понял: эта неизлечимая, неистребимая болезнь, ностальгия, никогда не покидала их, никогда не оставляло их пронзительное чувство любви и тоски по прошлому, по родине, по тому, что было невозвратно потеряно. Стихотворение перечитывали ещё и ещё. А потом решили напечатать его в своей газете, которую выпускала русская диаспора во Франции, и пригласить вас к ним в гости, что я от их имени и делаю», – торжественно провозгласил Сергей Петрович.

Я такого не ожидала и, признаться, была немало удивлена всем этим и, конечно, приглашением.

«Перед отъездом я попросил Надюшу отвести меня на кладбище Сен-Женевьев де Буа, – рассказал в завершение Сергей Петрович. – Не посетить его было невозможно. Место, если можно так сказать о кладбище, живописное, не грустное, ухоженное, его очень украсили берёзы, так напоминающие Россию, и обилие цветов. На душе было легко и светло. Я выполнил вашу просьбу: поклонился Бунину и всем, кому пришлось умереть на чужбине, оставаясь при этом детьми России».

Мне так и не довелось воспользоваться приглашением Надюши и её друзей, а вскоре я узнала, что Сергей Петрович умер. Как жаль, думала я, что столько лет они с сестрой были в разлуке. И как всё-таки хорошо, что брат и сестра успели встретиться.

Последний приют

Славянский погост близ Парижа.
Кладбище Сен-Женевьев де Буа.
От князя до нувориша,
В каждой могиле – судьба.
Надписи филигранны:
«Покоится вечных прах...»
Последний приют эмигрантов,
Таблички на двух языках.
И если б тоска по России
Кручиной не извела,
Наверное, даже б счастливым
Каждый из них умирал.
Тяжко почить на чужбине
Скитальцу с русской душой,
И во французской могиле –
Славянской натуре большой...
В агонии заклинали:
«На родине хоронить!»
И русской земли припасали
Горсть, чтобы в гроб положить.
Русские песни пели,
В русские церкви шли,
Русские колыбели
Правнукам берегли.
Люди просят у Бога
Лёгкую жизнь ниспослать,
Я же прошу другого –
Погост чужой миновать.

Мой светлый учитель и друг

Профессор Добротворская, какой я её знала

...У Татьяны Евгеньевны был дар врача и дар педагога. К этому добавлялись ее обаяние, интеллигентность, уважение к практическим врачам – и неудивительно, что кафедра профессора Добротворской была востребована в масштабе страны...

...К таким людям, как Женя, нельзя подходить с обычными мерками. Он озарял нас своим светом и внезапно, безвременно погас...

Мой светлый учитель и друг

Последние месяцы учёбы в 1-м Московском медицинском институте им. ИМ. Сеченова. Мы – субординаторы, т. е. уже не студенты, но пока не врачи, впереди выпускные экзамены. Нас объединили в группы по будущей специальности и продолжают совершенствовать наши знания. Я в группе терапевтов на кафедре госпитальной терапии. Все в оживлённом ожидании первого занятия; тема – артериальная гипертония, во все времена актуальная, многозначная, но для нас пока во многом умозрительная. Фамилия преподавателя, ассистента кафедры – Добротворская, – ни о чём нам не говорит. И вот в аудиторию входит молодая красивая женщина с копной тёмных волос: живое, открытое лицо, внимательный, приветливый взгляд... Первое занятие вылилось в очень яркую, глубокую по содержанию лекцию. Оно открыло для нас много нового, интересного, о чём мы не слышали за годы учёбы. Уже потом мы узнали, что артериальная гипертония и её некоторые аспекты были темой кандидатской диссертации Добротворской, а руководителем выступил сам Леонид Александрович Мясников, корифей русской кардиологической науки. Татьяна Евгеньевна была одной из его любимых учениц.

Мы сразу подпали под обаяние молодого ассистента. Кстати, это был один из первых рабочих дней Татьяны Евгеньевны на кафедре госпитальной терапии в 1-м ММИ, но для нас – один из последних! Если бы с самого начала Татьяна Евгеньевна нам преподавала, мы могли бы считать себя счастливицами.

Татьяна Евгеньевна Добротворская, ассистент кафедры терапии в 1-м ММИ

Мне повезло больше других. Как активного председателя студенческого научного общества на лечебном факультете (моя научная студенческая работа была удостоена диплома, а я –

поездки на стажировку в Прагу, в Карлов университет) меня оставили в клинической ординатуре, и наше общение с Татьяной Евгеньевной продолжалось.

Учась в ординатуре, я продолжала заниматься начатой ещё в терапевтическом кружке научной работой.

Потом сдала экзамены в заочную аспирантуру, мне предложили место старшего лаборанта на кафедре и дальнейшую работу над диссертацией, тема которой определилась в студенческом кружке – кардиогенный шок при инфаркте миокарда: планировалось рассмотреть роль поджелудочной железы как шокового органа, в частности, роль вырабатываемого ею фермента – эластазы. Ассистент, назначенная моим научным руководителем, специализировалась больше в гастроэнтерологии, нежели в кардиологии, да к тому же была секретарём парторганизации кафедры, что сильно отвлекало её от науки. Возможно, поэтому более интересной для меня оказалась практическая медицина, я это остро почувствовала. Была горечь разочарования. Назначили бы тогда моим руководителем Татьяну Евгеньевну, думаю, всё было бы по-другому. Так высоко я определила для себя планку учёного-кардиолога. Получить учёную степень для престижа? Нет, это не моё.

Наталья Мацуева. Студенческие годы

К удивлению сотрудников кафедры, я окончательно и осознанно решила оставить научную стезю, посчитав, что практическому здравоохранению принесу больше пользы. Скажу

честно, прожив годы и имея за плечами немалый стаж работы, я никогда не пожалела об этом. А то, что когда-то в студенческом научном обществе и в ординатуре много времени посвятила работе над диссертацией (делала обзор специальной литературы, занималась экспериментальной частью, сдала кандидатский минимум), меня многому научило: работе с научной литературой, умению анализировать, делать обобщения, выводы.

Ещё во время моей учёбы в ординатуре Татьяна Евгеньевна стала доцентом. Она активно читала лекции, проводила клинические разборы. Меня поражали её клинические осмотры пациентов. Татьяна Евгеньевна внимательно выслушивала и так же внимательно, без спешки, осматривала больного, большое значение придавала анамнезу, скрупулёзно изучала анализы, электрокардиограммы (обязательно все ЭКГ, а не одну последнюю), выявляла главное для постановки диагноза и лечения. И в клинических осмотрах, и в лекциях Добротворской чувствовалась глубина её знаний, эрудиция. Это была настоящая школа врачебного мастерства.

В 1980 году Татьяна Евгеньевна защитила докторскую диссертацию на актуальнейшую тему: хроническая сердечная недостаточность – и вскоре перешла на новую работу в Институт усовершенствования врачей (ЦИУ, ныне РАМПО – Российская академия медицинского постдипломного образования). Мне казалось, что работа с уже сложившимися врачами для Добротворской была более интересной и плодотворной, нежели со студентами. Она стала профессором кафедры терапии.

Наши контакты с Татьяной Евгеньевной с годами переросли в дружбу. Она по-прежнему хотела привлечь меня к научным исследованиям, мы даже осуществили совместную работу по теме «Антиаритмический эффект кордарона у больных с нестабильной стенокардией и инфарктом миокарда», которую опубликовал журнал «Клиническая медицина» (№ 11, 1989). Были у нас и совместные опубликованные работы по клиническим испытаниям ряда антигипертензивных препаратов. Но дважды в одну воду не входят, говорила я Татьяне Евгеньевне. Да и к тому времени учёная степень кандидата наук несколько девальвировалась: её всеми путями хотели иметь даже те, кто не заслуживал высокого звания. И ещё мне не хотелось, чтобы в нашу с Татьяной Евгеньевной дружбу привносились её вынужденное покровительство и моя зависимость. Наша дружба была в высшей степени бескорыстна.

Молодой врач Мацуева у постели больного

В 1989 году Т.Е. Добротворскую избрали заведующей кафедрой терапии РАМПО. Это была высокая оценка её эрудиции, научных достижений и в целом её личности врача и клинициста. Кафедра имела давние замечательные традиции, у её истоков стоял крупный учёный-кардиолог и врач профессор М.С. Вовси, в 50-х годах осуждённый по сфабрикованному «делу врачей» и после смерти Сталина реабилитированный; на кафедре ещё оставались его ученики. В разное время кафедру возглавляли известные учёные профессора ЗА. Чернов, Ф.В. Остапук. Здесь работал М.И. Кечкер, один из патриархов электрокардиографического метода диагностики при заболеваниях сердечно-сосудистой системы, автор замечательного руководства по ЭКГ, которым многие хотели обладать. Сотрудники кафедры встретили Т.Е. Добротворскую с некоторой долей скепсиса: молода, тем более женщина, и, по их мнению, ещё ничем себя не проявившая...

Татьяна Евгеньевна достойно продолжала традиции своих предшественников и, будучи клиницистом от Бога, в поставленный на высоком уровне процесс обучения курсантов, как мне казалось, в большей степени с «функциональным» уклоном, привнесла немалый «клинический» объём и собственный опыт. С её приходом на кафедре утвердилась практика клинических разборов, клинических осмотров, утренних конференций с подробным анализом диагностики и тактики неотложных и лечебных мероприятий. Причём всё это проводилось не формально, не наспех, а очень обстоятельно и подробно.

Профессор Т.Е. Добротворская

Роскошь человеческого общения

Круг научных интересов Т.Е. Добротворской был широк и включал в себя разные аспекты кардиологии: проблемы сердечного ритма, нарушений проводимости сердца, сердечной недостаточности, некоронарогенных поражений сердца. Она внедряла в клиническую работу кафедры новейшие по тем временам методы диагностики: холтеровское мониторирование, ЭХО-кардиографию и др.

Широкий кругозор, богатый опыт, блестящее знание английского языка поставили Т.Е. Добротворскую в ряд ведущих профессоров Москвы. Она выступала с докладами на научно-практических конференциях, симпозиумах, форумах. Стиль её выступлений был всегда доброжелательным и уважительным к аудитории, лекции и доклады – интересны и содержательны.

Она умела выделить в том или ином материале моменты, наиболее важные для практических врачей, и объяснить просто сложные вещи.

Н.Л. Мацуева (слева) с учителем и другом профессором Т.Е. Добротворской

Мне было известно, как тщательно Татьяна Евгеньевна готовилась к выступлениям. Владение английским языком было существенным фактором успеха, так как позволяло включать

в лекции элементы международного опыта, то, о чём мы в закрытом тоталитарном государстве не могли знать.

Врачи, приезжавшие для совершенствования в профессии, боялись пропустить лекции Татьяны Евгеньевны и буквально ловили каждое её слово. Она учила без назидания, приводила примеры из клинической практики, цитировала своих учителей, задавала диагностические головоломки, иногда переключалась на рассказ, например, о Швеции, или об Англии, или о Париже, где недавно была на международном конгрессе... У Татьяны Евгеньевны был дар врача и дар педагога. К этому добавлялись её обаяние, интеллигентность, уважение к практическим врачам – и неудивительно, что кафедра профессора Добротворской была востребована в масштабе страны: сотрудников приглашали на выездные курсы, клиничко-практические конференции на Урал и в Прибалтику, на Украину и Кавказ, в Сибирь и республики Средней Азии; профессор Добротворская читала лекции и за рубежом. И всегда, куда бы ни выезжала возглавляемая ею кафедра, параллельно проводилась лечебно-консультативная работа: никуда не девались сложные пациенты, трудные диагнозы, непонятные ЭКГ – и сотрудники, и лично Татьяна Евгеньевна решали порой неразрешимые врачебные проблемы.

Для меня было счастьем слушать лекции Татьяны Евгеньевны Добротворской – бесценные в клиническом аспекте, академически глубокие, педагогически доступные, и общаться с ней, и гордиться таким учителем и другом – об этом я могу говорить смело. Помню, как Татьяна Евгеньевна волновалась за меня и как радовалась, когда в 1992 году мне присвоили высшую врачебную категорию по кардиологии. К этому времени я уже заведовала кардиологическим отделением Ногинской центральной районной больницы. Тогда же комиссия, принимавшая у меня экзамен, причём очень серьёзный, рекомендовала мою кандидатуру на должность внештатного главного кардиолога и терапевта Ногинского района. В ту пору муниципальное здравоохранение переживало трудные времена и фактически было брошено на самовыживание, но, вопреки всему, кардиологическая служба в Ногинском районе, и в частности неотложная кардиология, развивалась.

Под руководством главного врача Центральной районной больницы А.А. Лившица продолжали совершенствоваться два профильных кардиологических отделения, вновь созданное кардиореанимационное отделение.

Желая поддержать меня, новоиспечённого главного специалиста, Татьяна Евгеньевна вместе с мужем Николаем Алексеевичем Мазуром – известным в нашей стране и за рубежом кардиологом, доктором медицинских наук, профессором, заведующим кафедрой кардиологии Института усовершенствования врачей, заслуженным деятелем науки и лауреатом Государственной премии, провели в нашем городе безвозмездно курсы по неотложной кардиологии. Это было большим событием для ногинских врачей, за которым последовали многочисленные научные конференции, лекции столичных специалистов, в том числе и медицинских светил. Николай Алексеевич Мазур прочитал в Ногинске несколько лекций по аритмологии, Михаил Ионович Кечкер (сейчас он живёт в США) – по ЭКГ-диагностике и сделал презентацию своего руководства по ЭКГ, вручив его каждому врачу с дарственной надписью.

Сама Татьяна Евгеньевна несколько раз приезжала с лекциями по актуальным проблемам кардиологии. В Ногинске выступали с лекциями ЛА Горячкина – главный аллерголог России, известные нефрологи и другие специалисты. Так Т.Е. Добротворская и НА Мазур «образовывали» практических врачей нашего города и района. И впоследствии, когда Татьяны Евгеньевны не стало, сотрудники её кафедры – доценты Людмила Георгиевна Асеева, Татьяна Никоновна Герчикова, Валентина Петровна Кузнецова, а потом и непосредственно её ученики, те, кто стал под её руководством кандидатами наук Игорь Аркадьевич Либов, Анна Вячеславовна Тимофеева, Екатерина Константиновна Супрун, – многократно приезжали в Ногинск и проводили в нашем районе курсы повышения квалификации для терапевтов, кардиологов. Уровень обучения был очень высок. Для наших врачей это была хорошая школа формирования клинического мышления. Получился своего рода филиал Института усовершенствования врачей в Ногинске.

Коллеги. Слева направо: доктор медицинских наук А. А. Ливишиц, профессор А.А. Кириченко, врач Н. Лебедева, зав. кардиологическим отделением Глуховской больницы Н.Л. Мацуева, профессор Н.А. Мазур. 1996

И так во всём. Добротворская старалась помогать, и не только мне Она была доступна и проста в общении с людьми. Я шутила: «Татьяна Евгеньевна, вы бюро добрых услуг».

Прошло много лет, но ногинские врачи, которые учились у Добротворской – Татьяна Александровна Кочеткова, Татьяна Викторовна Светайло и другие, – и сегодня с большой теплотой вспоминают Татьяну Евгеньевну и её лекции.

Профессор Добротворская с самоотверженностью занималась наукой. У неё всегда было много идей, она умела увлечь ими сотрудников, аспирантов, умела поставить проблему и решать её. Первоначальный скепсис некоторых сотрудников постепенно исчезал Кафедра, впервые за многие годы, стала активно заниматься научной работой, к которой были привлечены ассистенты. На кафедре появились аспиранты, соискатели, прошли защиты диссертаций – всё это были плоды труда профессора Т.Е. Добротворской. Татьяна Евгеньевна была автором многих научных статей, монографий по вопросам кардиологии. После себя она оставила многочисленных учеников, которые и сегодня исцеляют людей, используя её опыт и переданные ею знания.

Как только случалась возможность, Татьяна Евгеньевна приглашала меня участвовать в различных симпозиумах, научных конференциях, проводимых в Москве, Санкт-Петербурге и даже за рубежом. И всегда с большим уважением она представляла меня коллегам-профессорам: «Познакомьтесь, заведующая кардиологическим отделением из Ногинска, опытный врач-кардиолог, моя протеже...» В такие моменты я не знала, куда деться от смущения. Я была свидетелем многих её прекрасных выступлений, в том числе и в научных дискуссиях. Случалось, такая дискуссия велась на английском языке, и по окончании Татьяна Евгеньевна переводила её содержание. Татьяна Евгеньевна была всегда требовательна к себе, но и к другим, при всей мягкости характера, подходила с высокой меркой. Вспоминается случай: 1993 год, первый съезд «Кардиостим» по стимуляции и электрофизиологии сердца в Санкт-Петербурге. Антиаритмическую стратегию представляют учёные Франции, Германии, Польши и, конечно, России. Обсуждаются проблемы профилактики внезапной смерти, фатальных аритмий, роль комбинаций антиаритмических препаратов и тд. Среди выступающих – молодой российский учёный. Он выходит, достаёт из кармана листок с текстом доклада и начинает читать... Едва начался перерыв, возмущённая Татьяна Евгеньевна буквально подбегает к нему: «Молодой человек, как можно выступать по бумажке на международном форуме?! В конце концов, можно выучить на память свой доклад! Но достать листок в клеточку и читать?!.. Надо уважать и себя, и аудиторию. Никогда больше такого не допускайте!» Думаю, это был урок.

Ещё один красноречивый штрих. Будучи в длительной командировке в Корею – там Татьяна Евгеньевна читала курс лекций для врачей и преподавателей медицинского института – она заметила, что слушателям нравится, когда их называют по имени. И Татьяна Евгеньевна выучила наизусть 30 сложных корейских имён и так, по имени, обращалась к каждому, чтобы сделать им приятное. Таково было её отношение к аудитории и вообще к людям.

Интеллигентность, деликатность, скромность – это у Добротворской было врождённое Оба её деда, по отцу и по матери, – профессора медицины с дворянскими корнями, дружили семьями – так и познакомились её родители. Татьяна Евгеньевна коренная москвичка. Школу она окончила с золотой медалью, 1-й Московский мединститут – с отличием.

Человек довольно закрытый, при всей её коммуникабельности, она мало рассказывала о семье, о достижениях детей. Между тем их с Николаем Алексеевичем дочь, Наташа Мазур, в возрасте 20 лет уже преподавала русский язык итальянцам в Неаполитанском университете и делала там большие успехи. Сейчас Наталья Николаевна Мазур – ведущий профессор Между-

народного Европейского Университета мировой культуры в Санкт-Петербурге, автор многих научных трудов по филологии, организатор международных симпозиумов и съездов филологов. Сын, Алексей Николаевич Мазур, – доктор медицины в Германии, а недавно получил второе высшее образование по специальности «архитектура». Нет, не разлюбил медицину – просто решил построить дом и не быть в этом деле дилетантом. В домашней обстановке Татьяна Евгеньевна была радушной хозяйкой, любила угощать, накормить. Конечно же, дом и семья были для неё святы. Стилем её жизни и в быту, и в профессии был вечный труд.

Последние годы Татьяна Евгеньевна боролась с тяжёлой болезнью. Она не давала себе поблажек, у неё не было больничных листов, каких-либо иных перерывов в работе. Бог был к ней благосклонен хотя бы в том, что она не испытывала болей. Но она в полной мере осознавала неизлечимость недуга и свой прогноз. Умение с достоинством переносить трагедию неминуемого скорого рода из жизни – это тоже было её стилем. Она спешила. Иногда говорила: «Успеть бы защитить аспирантов...» Татьяна Евгеньевна никого не обременяла своим страданием, не позволяла жалеть себя и в то же время каждый признак внимания к себе ценила. Поражало её видимое спокойствие и нежелание обсуждать своё состояние и будущее. Она продолжала читать лекции, писать статьи, заниматься наукой. Но она таяла на глазах. Однажды во время лекции она потеряла сознание, и это была точка невозврата.

Т.Е. Доброворская с мужем НА. Мазуром

Её тогда положили в Боткинскую больницу для проведения лучевой терапии. В один из дней пришедшие её навестить аспиранты сообщили, что лекция по кардиомиопатии отменена. Татьяна Евгеньевна расстроилась и сказала, что этого нельзя допустить. Обязательность при всех обстоятельствах всегда отличала профессора Доброворскую. И она всё-таки прочла свою последнюю в жизни лекцию, и как всегда блестяще – об этом часто вспоминает врач из Ногин-

ска Т.В. Светайло, в то время курсант кафедры. Татьяна Евгеньевна читала сидя, тихим голосом Кардиомиопатии – одна из её любимых тем...

Профессор Добротворская уходила достойно и мужественно. Болезнь сразила её в самом расцвете активной творческой и научной жизни. К сожалению, незаметным для медицинской прессы прошло известие о безвременной кончине талантливого учёного, врача и педагога, случившейся 7 мая 1997 года.

Похоронили Татьяну Евгеньевну на Хованском кладбище. На панихиде в траурном зале Боткинской больницы были близкие, коллеги, видные учёные, ректор академии. Говорили замечательные слова, подчёркивали её эрудицию, трудолюбие, интеллигентность, скромность, сочетание отзывчивости, душевности с высоким профессионализмом, что и привлекало к ней людей.

Деликатная, обаятельная, порядочная, мягкая и требовательная, добрая и ответственная, человек большой притягательной силы... Вот такая, простая и необычайно высокая душа. Такой её знала я, знали её ученики, коллеги, друзья. У меня было большое желание отдать дань памяти этому Человеку.

Дружба с Татьяной Евгеньевной Добротворской была для меня большим счастьем и радостью. Она мой светлый учитель. Я и сейчас в житейской или в трудной профессиональной ситуации задаю себе вопрос: как бы поступила Татьяна Евгеньевна? И порой нахожу ответы в конспектах её лекций и научных трудах.

Пока жива, я буду благодарить судьбу за встречу с Татьяной Евгеньевной Добротворской.

* * *

*Профессору Т.Е. Добротворской,
другу и учителю*

Не потускнеет образ ваш с годами,
Как драгоценного алмаза грань,
Не оскудеет всё завещанное вами,
И время не сотрёт, воздастся дань!
Дань вашему горению в науке,
Дань вашему умению учить,
А как легко в беде нам простирали руки
И сердце сердцем вы могли лечить.
Святому делу жизни вашей краткой,
В учениках своих оставив след,
Отдали вы себя, всю без остатка,
В искусстве врачеванья проливая свет.
Не потускнеет образ ваш прекрасный!

Скромный человек богемы

Поделиться воспоминаниями о Евгении Николаевиче Глазкове¹ мне позволяет степень наших особых отношений, дружбы, длившейся годы. Мы были соседями, наши квартиры располагались на одной лестничной клетке. Сначала мы познакомились с женой Жени – Галиной Петровной: мне нужно было выбрать пианино для дочери, чтобы оно хорошо звучало; Галина Петровна, директор музыкальной школы, как никто разбиралась в инструментах. Ну, а потом и началась наша дружба.

Соглашусь со словами Сент-Экзюпери: «Единственная настоящая роскошь – это роскошь человеческого общения». Женя был человек радушный, доброжелательный. Он обладал ценным даром дружеского общения – был открыт людям, отзывчив. В наше время, когда люди изменились, стали закрытыми и чуждость преобладает в умах и сердцах, особенно тепло вспоминается о Жене как о необычайно светлом человеке.

¹ Евгений Николаевич Глазков (1946 –1998) – поэт, журналист, искусствовед. Работал в г. Ногинске в районной газете «Знамя коммунизма» (ныне «Богородские вести»). Лауреат премии Союза журналистов СССР (1988). В 2010 г. вышла книга стихов Е.Н. Глазкова «Заповедник» с воспоминаниями его друзей и коллег.

Евгений Николаевич Глазков (1946 –1998) – поэт, журналист, искусствовед.

Семья Глазковых была дружной. Они жили вчетвером мама Жени – Тамара Павловна, Женя с Галиной Петровной и их сын Максим. Бросалась в глаза любовь Жени к семье. Тамара Павловна, милая, скромная, всегда как-то по-особенному, кротко улыбающаяся, безумно любила сына и внука. В своё время она была актрисой с амплуа трагистки, потом заведовала библиотекой, а когда мы познакомились, была уже на пенсии. Женя всегда беспокоился о её здоровье. Исключительно нежно относился Евгений Николаевич и к маме Галины Петровны –

Клавдии Васильевне, которая приезжала навестить их из Куйбышева. Её приезд всегда был событием в семье Глазковых. Клавдия Васильевна, без преувеличения, боготворила Женю.

Евгений Николаевич и Галина Петровна были парой, которую связывали большая любовь и большая дружба, основанная на общности интересов, взглядов, пристрастий. Женя называл жену ласково – Галчонок, и никак по-другому. Сына Женя обожал и относился к нему с уважением, как ко взрослому человеку, никогда не повышал на него голос, да и Максим, насколько я помню, не давал повода для этого.

Женя не гнушался работы по дому и не делил её на мужскую и женскую. Он любил иногда что-то приготовить, и у него всегда получался деликатес. Женя выискивал какой-нибудь старинный рецепт и, воплотив его в жизнь, приглашал нас отведать свой кулинарный шедевр. Потом мы подолгу сидели на кухне, говорили... 90-е годы. Перестройка. Надвигались перемены. Общество разделилось, мы многого не понимали... Женя горячо говорил о грядущих реформах, о демократии, о том, что жизнь будет строиться по законам... Иногда мы переходили в комнату, где было фортепиано. Женя любил, когда Галина Петровна играла и пела романсы, особенно Вертинского. Женя читал стихи, мне тоже хотелось прочесть ему свои стихи – для меня было очень важно его мнение. Он всегда был готов что-то подсказать, посоветовать, вселить уверенность; его замечания были ценны для меня.

Женя питал слабость к книгам. Любил ходить по книжным развалам, букинистическим магазинам. У него была манера читать с карандашом в руке. Вообще, он обладал хорошей памятью и поистине энциклопедическими знаниями. Наряду с врождённой интеллигентностью. В скромной квартире Глазковых была хорошая библиотека: книги по искусству, философии, религии, томики стихов. На первый взгляд казалось, что в комнате Жени царил невообразимый хаос. Стол был завален книгами, журналами, газетами, но Женя прекрасно ориентировался в этом кажущемся хаосе, у него была своя система сбора литературы и её систематизации. Компьютеры в ту пору ещё не вошли в повседневный быт, зато Женя виртуозно печатал на пишущей машинке.

Все знали о пристрастии Жени к живописи. Стены квартиры были увешаны картинами, картины стояли, прислонённые к стене – те, которые надо было остеклить, вставить в раму, – в основном это были подарки художников. Меня восхищало его уважительное отношение к художникам. Со многими из них он дружил, посвящал им стихи, но главным, за что они ценили Женю, были его работа по составлению каталогов и его умение дать объективную оценку художественному произведению. Именно оценка Жени имела значение для автора.

В Жене было обаяние, которое встречается у людей искренних и сердечных. Он мог общаться с рабочим, учёным, строителем, с ребёнком и взрослым – ведь он был хорошим журналистом. В шутку я называла Женю человеком богемы; он любил форсить, и, кстати, на нём выглядело элегантно всё, что бы он ни надел. Он любил красивые пиджаки, шарфы под шею. Выставки, театры, концерты – это была его стихия. И где бы Женя ни бывал, он везде покупал пластинки. Помню, как мы слушали Шаляпина у него дома, при этом Женя ещё и интересно рассказывал о судьбе артиста.

Ещё одна Женина черта мне очень импонировала – его любовь к собакам. У Глазковых всегда жили собаки, да не одна. Сначала Фрэй, чёрный красавец спаниель, потом появился персиковый афганец Перс. А в нашей семье любимцем был далматинец Джерик. К собакам Женя относился, как к людям: заботился, переживал, когда они болели, расчёсывал им шерсть, кормил, дрессировал... Он был с ними ласково-строг, и они любили его преданно. По вечерам мы выгуливали наших собак, уходили в лес, или в парк, или на Волхонку, и у нас было много времени для разговоров на разные темы. Женя был интересным собеседником. Однажды он сказал: «Вот будет у нас в городе новая газета, предложу назвать её “Волхонка”». (И такая газета впоследствии появилась.) Женя был заядлый грибник, страстно любил лес... Он очень любил Богородский край, был его патриотом.

Женя много говорил о людях, которым выпала страшная доля сидеть или быть расстрелянными в ГУЛАГе. И одним из первых в нашем городе поднял эту тему на страницах газеты. Он никому не навязывал своего мнения, был терпим и снисходителен к людям и скромен. Мало кто знал, что Женя был сыном, а не однофамильцем известного русского поэта Николая Глазкова.

Может сложиться мнение, что я характеризую Евгения Глазкова как человека, лишённого недостатков. Но, я думаю, к таким людям, как Женя, нельзя подходить с обычными мерками...

Он озарял нас своим светом и внезапно, безвременно погас. Но этот свет, я уверена, остался в жизни людей, с которыми он дружил и работал. Этот свет остался в его поэзии, публицистике. И он не угаснет.

* * *

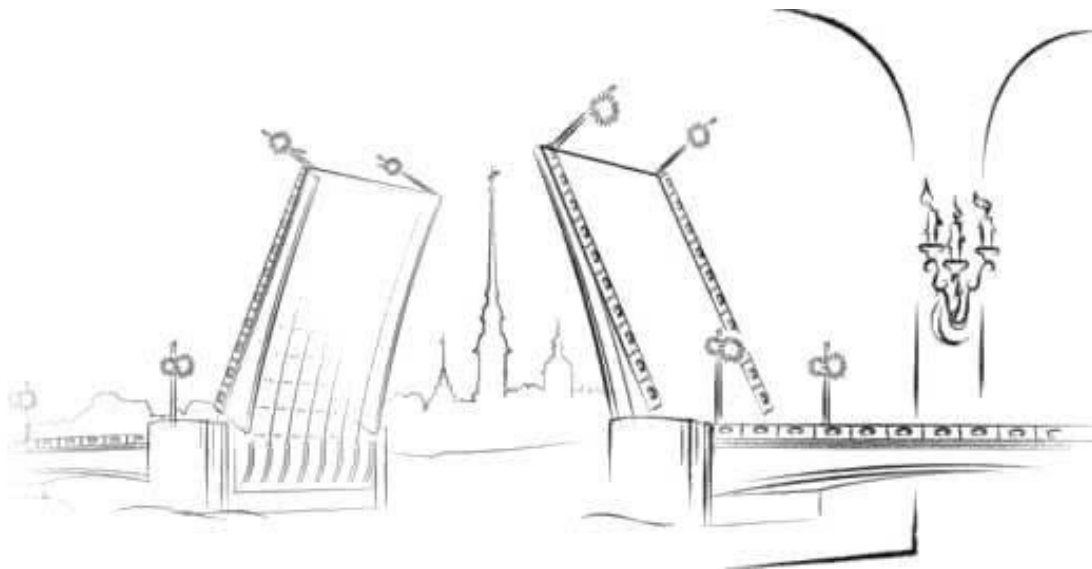
Распорядились небеса –
Друзья уходят...
Непостижимость пустоты
С уходом их.
Тускнеет мир,
Тускнеет жизнь
И солнце нас обходит.
Неповторимые, невосполнимые,
Где вы теперь?

* * *

«Незаменимых нет», –
Глаголет равнодушие с упорством,
Пытаясь уникальность отменить.
Но есть неповторимые!
Особенные души.
Как трепетную душу
Повторить?

Угасла поэта жизнь...

Смерть Пушкина: мифы, легенды, реальность

...Всё, что хотел сказать, он сказал в своих произведениях. Впрочем, всё ли? Он уносил с собой великую тайну...

...Ни одна женщина в истории русской литературы не была так нещадно оклеветана, как жена великого поэта...

... Ирина Григорьевна рассказала историю, поразившую меня. Это была усадьба под Вильнюсом, принадлежавшая Григорию Александровичу и Варваре Алексеевне Пушкиным...

... Роман, пришедший из глубины девятнадцатого века, пересёкший океан, не сгоревший в пожарах двух мировых войн, был написан дочерью А.С. Пушкина на немецком языке – для своих потомков, которые не говорили по-русски. Она хотела рассказать им о своей родине, об их предках...

Как случилось, что Санкт-Петербург – а в моём детстве Ленинград – оказался для меня дорогим местом на земле. Когда я вспоминаю детство, мысли переносят меня именно туда, в Санкт-Петербург, куда каждый год мы с бабушкой Анной Ильиничной уезжали на всё лето к её дочери и моей тётушке Аиде Петровне и дяде Виктору Евдокимовичу. Их дом располагался в Приморском районе города, на берегу Финского залива, в изумительном местечке Ольгино. Совсем недалеко протекала Чёрная речка – место дуэли А.С. Пушкина; на пригородной электричке, идущей в город, мы проезжали станцию Ланскую... Ну и конечно – квартира Пушкина на Мойке! О своём первом посещении её и о тогдашнем впечатлении помню, как будто это было вчера. Позже, в студенческие годы, для меня стало правилом приезжать в Санкт-Петербург. Это бывало как причащение в церкви, И во все мои приезды я по обыкновению спешила на Мойку и всегда волновалась так, как волнуются от встречи с кем-то или с чем-то очень дорогим. Здесь, в квартире, в кабинете Пушкина, так легко можно было представить себе поэта в живом общении с друзьями, с женщиной, которая одаривала его прекрасными мгновениями любви, вдохновляя на непревзойдённое творчество, с детьми. Меня завораживали тома книг из огромной личной библиотеки Пушкина, к которым он прикасался, которые читал, обогащая свой просвещённый ум и природную любознательность. И, наконец, с горечью в сердце, как будто всё случилось только что, я глядела на диван, на котором, среди своих книг, испытывая нечеловеческие страдания, великий Пушкин уходил из жизни...

А ещё Эрмитаж, Русский музей, Петродворец, пушкинский лицей... Приезды в Санкт-Петербург были моими университетами, обогащали внутренний мир.

Можно годами сидеть в архивах, работать с документами, можно узнать многое – и не узнать ничего, если не окунуться в психологическую достоверность эпохи, не ощутить всем своим существом реальность давно минувших дней, в которую погружают пушкинские места. Естественно, это не могло не оказать на меня воздействия, не усилить интерес ко всему, что было связано с жизнью и творчеством А.С. Пушкина.

Позже у меня как у врача появился профессиональный интерес к особенностям характера поэта, его личности, наследственности, наконец, к последним дням и часам его жизни, к его ране. Так по тупицам у меня стали собираться исторические факты и сведения, давшие начало моей пушкиниане.

Надеюсь и дальше продолжать начатое дело, хотя бы потому, что я получаю отклики на эти свои очерки и вижу: они не оставляют людей равнодушными. Конечно, многое известно и написано о жизни поэта, однако мне хочется снова и снова перелистывать страницы этой необычайно яркой и трагичной судьбы, находя для себя какие-то новые повороты «сюжетов», новые оттенки, объяснения, связующие нити характеров, событий, времён... И это именно моё видение проблем, мой взгляд. Моя пушкиниана.

Угасла поэта жизнь...

29 января (ст. ст.) 1837 года оборвалась жизнь Александра Сергеевича Пушкина. Вряд ли в истории России есть событие, по трагизму восприятия равное безвременной смерти великого поэта. Интерес к творчеству и личности Пушкина огромен и неиссякаем по сей день.

История ранения и гибели Пушкина всегда глубоко интересовала людей. Его уход из жизни стал уравнением со многими неизвестными не только для современников поэта, но и для пушкиноведов нашего времени. Александр Сергеевич оставил нам две главные загадки своей гибели: Дрался ли он с истинным виновником своего унижения и в чём состояло унижение? Кто был автором и распространителем анонимного пасквиля, явившегося причиной бунта поэта и состоявшейся дуэли?

Эти вопросы пока не имеют ответа, но сегодня мы можем абсолютно точно ответить на другие, которые тоже волновали людей разных поколений: правильно ли лечили великого поэта? можно ли было спасти Пушкина?

Попробуем воссоздать события, которые случились без малого два века тому назад, в те роковые дни.

Портрет через столетия

Четвёртого ноября 1836 года Пушкин и некоторые его друзья получили по почте анонимное послание, в котором сообщалось об избрании «г-на Александра Пушкина коадьютором (заместителем) великого магистра ордена рогоносцев» с намёком на неверность жены поэта. Письмо было написано на французском языке, на дорогой почтовой бумаге. Пушкин незамедлительно посылает Дантесу-Геккерену вызов на дуэль.

Друзья убеждают поэта взять вызов обратно. Однако 25 января в расчёте на то, что Дантес будет вынужден сам вызвать его на дуэль, Пушкин пишет посланнику Геккерену, приёмному отцу Дантеса, крайне оскорбительное письмо...

Александр Сергеевич Пушкин. Худ. О. Кипренский. 1827

Сделаем тут небольшое отступление. Учитывая, что мы будем говорить о болезни поэта, уместно более подробно остановиться на некоторых этапах его жизни, на его наследственности, физическом развитии, особенностях характера и личности. Начнём с биографии, потому что именно она, как говорят, «самый точный портрет через столетия».

Александр Сергеевич Пушкин принадлежал к обществу, составлявшему цвет российского дворянства.

Он родился 26 мая (6 июня по новому стилю) 1799 года в Москве и был вторым ребёнком в семье отставного гвардии майора Сергея Львовича Пушкина и «красавицы-креолки» Надежды Осиповны, урождённой Ганнибал.

Надежда Осиповна Пушкина, мать поэта. Худ. Ксавье де Местр. 1800-е

Сергей Львович Пушкин, отец поэта. Неизв. худ. 1810-е

В жилах Пушкина текла 1/8 эфиопской крови; мать и отец Пушкина были дальними родственниками. Семья Пушкиных входила в самые образованные московские круги. Отец имел прекрасную библиотеку, писал стихи и поэмы, слыл острословом. В доме собирались поэты, музыканты, художники. Дети воспитывались с французскими гувернёрами, кроме них, воспитанием Пушкина занимались бабушка Мария Алексеевна и няня Арина Родионовна.

Что касается физического развития, то в детстве Александр отличался неповоротливостью, происходившей от тучности тела, молчаливостью, что приводило мать в отчаяние, но потом его облик изменился. Пушкин похудел, стал крепок телом, болел редко. Роста он был по тем временам среднего – 166,74 см (кстати, рост Натальи Николаевны Гончаровой – 174 см). По воспоминаниям современников, наиболее достоверный портрет Пушкина являет нам полотно О. Кипренского, где наиболее живо схвачены выражение лица, взгляд. Близкий друг Пушкина В. А. Нащокина утверждала, что ни один из портретов не передаёт и сотой доли духовной красоты его облика, особенно удивительной красоты его глаз. У Пушкина были большие, выразительные голубые глаза, ослепительно белозубая улыбка и красивые, выющиеся тёмно-русые волосы, густые баки. Правда, с годами волосы вились меньше.

А. С. Пушкин в детстве. Худ. Ксавье де Местр. 1800–1802

Поэт был лёгок на подъём и, когда выдавалась возможность, с радостью отправлялся в дальнюю дорогу. «Путешествия нужны мне нравственно и физически», – писал он. Александр Сергеевич поддерживал хорошую физическую форму, был неутомимым ходяком. Часто прогуливался с тяжёлой железной палицей, при этом подбрасывал и ловил её на лету, тренировался в стрельбе из пистолета; стрельба в цель входила в круг повседневных занятий Пушкина. В Михайловском он даже оборудовал тир. Пушкин любил лошадей, верховая езда была его страстью. Летом подолгу плавал, а зимой перед завтраком принимал ванну со льдом, любил русскую баню, которую называл «наша вторая мать» – ведь после парилки человек как бы рождался заново. В еде Александр Сергеевич был непритворлив; как однажды выразился П.А. Вяземский, лакомкой он не был, хотя имел любимые блюда: печёный картофель, мочёные яблоки, варенье из крыжовника. Словом, Александр Пушкин вёл, как бы сейчас сказали, здоровый образ жизни, и к этому его приучили шесть лет пребывания в лицее, где он провёл юные годы на полном государственном обеспечении, под личным покровительством и попечительством царя и получил европейское образование.

*Вид на Царскосельский лицей с Садовой улицы (во времена пребывания в нём Пушкина).
Худ. А. Мартынов*

Александр Пушкин.

Худ. С. Чириков (учитель рисования в Царскосельском лицее). 1810-е

Ольга Сергеевна Павлицева, старшая сестра поэта.

Худ. Е. Плюшар. Фрагмент

Надежда Осиповна выделяла дочь Ольгу и младшего сына Льва. К Александру была равнодушна. Материально семья Пушкиных жила неустроенно, часто на грани разорения, поэтому Александру Сергеевичу в зрелые годы приходилось нести на себе груз ответственности за всех членов семьи: заниматься делами и вести хозяйство совершенно непрактичного и скупого отца, помогать деньгами родителям и сестре, содержать брата. Надежда Осиповна обладала тяжёлым характером, умела дуться днями, месяцами, а то и годами. Целый год она дулась и не разговаривала с Александром. Отношения улучшились только к 1830 году, что совпало с женитьбой поэта; тогда же мать и сын поняли, что нужны друг другу...

О женитьбе, создании семьи Пушкин начал задумываться в 30 лет. Московских барышень он категорически отверг, посчитав, что лучшей женой для него могла бы стать провинциальная девица. В 31 год он женится по любви – берёт в жёны девятнадцатилетнюю бесприданницу Наталью Николаевну Гончарову, создание «сказочной красоты». Он сам выкупил приданое невесты, а впоследствии оказывал материальную помощь матери своей жены.

Лев Сергеевич Пушкин, младший брат поэта. Худ. А. Орловский

Наталья Николаевна родила Пушкину четверых детей. Чувство глубочайшей любви к жене Пушкин сохранил до конца своих дней. О Наталье Николаевне в разное время говорили разное: завидовали, пробовали очернить, считали легкомысленной, неверной, но сохранившиеся письма Гончаровой к мужу, сёстрам, брату, к друзьям поэта свидетельствуют о чистоте её натуры, искренности и глубине ума.

Александру Сергеевичу Пушкину досталась неплохая наследственность: его знаменитый прадед Абрам Ганнибал умер на 92-м году жизни, оба его деда, бабушка по линии отца и мать прожили более 60 лет, а бабушка Мария Алексеевна Ганнибал и отец – по 73 года. Сестра Ольга, родившаяся на полтора года раньше Александра Сергеевича, пережила его на 30 с лишним лет. И только младший брат Лев умер относительно рано – на сорок восьмом году жизни, хотя по тем временам и этот возраст считался почтенным.

Абрам Петрович Ганнибал, прадед поэта по материнской линии. Неизв. худ. Кон. XVIII в.

Хорошая наследственность, воспринятая Александром Сергеевичем от своих родителей, передалась и его детям старшая дочь Мария Александровна (в замужестве Гартунг) прожила 87 лет, старший сын Александр Александрович, особенно походивший внешностью на отца, успел отметить 81-ю годовщину, младшая дочь Наталья Александровна (во втором браке графиня Меренберг) прожила 76 лет, Григорий Александрович – 70 лет. Таким образом, можно предположить, что дантесова пуля настигла поэта в середине жизненного пути.

Масштаб гения

То, что А.С. Пушкин гений, не вызывает сомнения.

Его творчество исследовано сегодня с помощью компьютерной техники лингвистами, изучено литераторами, специалистами по русской словесности, филологами, но тема Пушкина как крупного мыслителя и политолога выпала из серьёзного рассмотрения, отодвинутая мощным поэтическим даром. А между тем Александр Сергеевич выдвигал интереснейшие, исключительно собственные принципиальные мысли о государственном устройстве России, роли самодержавия и дворянства в политической жизни, роли власти, народа. Так, 10 мая 1834 года он писал в дневнике: «Я могу быть подданным, даже рабом— но холопом или шутком не буду и у Царя Небесного».

А.С. Пушкин среди декабристов. Совецание в Каменке, 1820 г. Худ. Д. Кардовский

В «холопстве» видел Пушкин одну из трагедий России. В знаменитом письме к Петру Чаадаеву, которое так и осталось неотправленным, Пушкин пишет: «В стране отсутствует общественное мнение и господствует равнодушие к долгу, справедливости, праву, истине, циничное презрение к мысли и достоинству человека». Одна из последних преддуэльных дневниковых записей поэта такова: «Истина сильнее царя, коль так, то властитель должен ценить подданных, говорящих ему правду (пусть не всегда лицеприятную), а подданные — обладать мужеством эту правду не приукрашивать». Или ещё: «Дикость, подлость и невежество не уважать прошедшего, пресмыкаться перед настоящим». Рассуждая о дворянстве, Пушкин протестовал против того, что дворянство «стало можно заслужить, как чин», «при этом заслуги перед царствующими особами ценились выше заслуг перед Отечеством».

А. С. Пушкин в книжной лавке А.Ф. Смирдина. Худ. Н. Павлов

Он писал о династии Романовых, о власти: «Власть обязана уважать своих подданных, а подданные должны уважать власть, сохраняя своё гражданское достоинство, не впадая в холопство». Это уже другая тема, не медицинская, но как всё это современно и совсем не архаично.

Устоявшаяся «филологическая традиция» связывает эти пушкинские размышления лишь с естественным взрослением поэта и эволюцией его взглядов, но такой подход весьма легковесен. Масштабность и ясность государственного мышления Пушкина отмечались многими иностранными дипломатами, которым доводилось встречаться с ним в Петербурге. И даже только что коронованный Николай I после долгой беседы с Пушкиным, доставленным в Москву, вынужден был назвать его умнейшим человеком России.

Великий польский поэт А. Мицкевич писал в письме П. Вяземскому «...Пушкин, коего талант поэтический удивлял читателей, увлекал, изумлял слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума своего, был одарён необыкновенной памятью, суждением верным, вкусом утончённым и превосходным. Когда говорил он о политике внешней и отечественной, можно было думать, что слушаешь человека, заматеревшего в государственных делах».

А.С. Пушкин создал и оставил нам в наследство язык, на котором сегодня мы думаем, говорим и пишем. Пушкин – это «наше всё».

«Болдинская осень» и другие фазы

Несомненно, творчество поэта связано с его личными переживаниями. Анализируя характер Александра Сергеевича, мы не можем упустить из виду исследования специалистов-психологов, которые также не обошли вниманием гениальную личность великого поэта и мыслителя. Самое характерное и яркое, что бросалось в глаза, – это цикличность смены и неустойчивость настроения, далеко выходящая за пределы нормальной ритмичности у обыкновенных людей. В мемуарной литературе и воспоминаниях современников подчёркивалось, что к Пушкину нельзя было подходить с заданными мерками, он был во всём неоднозначен. Пушкин менялся не только в разные периоды своей жизни, но и в течение одного дня и даже часа. Об этом писали многие, в частности А. Керн: «Трудно было с ним сблизиться. Он был очень неровен в общении: то шумно весел, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен, и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту...»

Родителей беспокоила угрюмость, молчаливость, уединённость, сосредоточенность маленького Пушкина. Вдруг в возрасте 7 лет в мальчике произошла резкая перемена: он стал резвым и шаловливым. В 12 лет в лице он поразил всех своим ранним развитием, но бывал раздражителен, иногда необуздан. Пушкин так описывал характер Пушкина: «Характер его был неровный: то расшалится без удержу, то долго сидит неподвижно, задумается не по летам...»

Нестабильность настроения – это смена двух полярно противоположных фаз: фазы подъёма настроения и фазы его спада, или депрессии. Учёные-психологи, психиатры связывают развитие такого рода состояний чаще всего с наследственными факторами, а внешние факторы и жизненные обстоятельства, как правило, усугубляют это страдание и способствуют переходу в более тяжёлые расстройства.

Трудно утверждать, но, возможно, по материнской линии – а мать Пушкина имела, по свидетельству современников, тяжёлый характер – сыну могли передаться «колебания настроения».

«Болдинская осень» – ярчайшее проявление фазы необъяснимого творческого подъёма, когда осенью 1830 года А.С. Пушкин в очень короткий период времени завершает работу над «Евгением Онегиным», пишет «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии», поэму «Домик в Коломне» и множество стихов (около 30).

Господский дом и усадьба Пушкиных в Большом Болдине. В настоящее время – Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино». Современная фотография

В письме к одному из самых близких друзей, П.А. Плетнёву, Пушкин очень ярко, можно сказать, классически, описал своё состояние, соответствующее картине маниакальной фазы, т. е. фазы подъёма настроения: «Скажу тебе, что в Болдине я писал так, как давно уже не писал.

Просыпаюсь в 6 часов утра. Принимаю ледяной душ. Пью кофе и, лежа в кровати, пишу прозу и стихи. Причём делаю это так быстро, словно свои произведения не сочиняю самолично, а записываю под диктовку, не теряя ни минуты. А иногда я пишу бессонными ночами». В жизни Пушкина было ещё две «Болдинских осени», когда он творил шедевры. В октябре 1833 года он написал. «Медного всадника», «Пиковую даму», закончил «Историю Пугачёва» и «Сказку о рыбаке и рыбке».

Пушкин и муза. Худ. К. Коровин

А.С. Пушкин в Болдине. Худ. Н. Кузьмин

Его современники, даже близкие люди, не понимали особенности психики поэта, часто ложно истолковывали эти резкие смены настроения. Например, брат его, Лев Сергеевич, говорил: «Должен заметить, что редко можно встретить человека, который бы объяснялся так вяло и несносно, как Пушкин, когда предмет разговора не занимал его...» А дело тут в том, в какой эмоциональной фазе находился Пушкин. Были в его жизни и депрессии, когда творчество его как будто замирало. Девятнадцатилетний Пушкин писал: «Огонь поэзии угас» – но периоды депрессии ещё неоднократно сменялись у него периодами подъёма настроения и творчества...

В последние годы жизнь А.С. Пушкина протекала, как принято говорить сегодня, в условиях постоянного, хронического стресса: конфликт с великосветским обществом, ссылки, доносы, поднадзорность, аресты и казнь друзей, иезуитская цензура, семейные неурядицы, постоянное безденежье, камер-юнкерский наряд, потеря взаимопонимания с единомышленниками. Проблема материального обеспечения семьи не давала покоя поэту. Тема эта периодически возникала в его переписке с Натальей Николаевной. Долги Пушкина к 1837 году составляли 138 тыс. рублей. Однако дома у него было сосредоточено колоссальное богатство – полный стол неопубликованных произведений. Лишь его смерть открыла доступ к рукописям, и оказалось, что среди них, по словам Е.А. Баратынского, принимавшего участие в разборе архива, «есть красоты удивительные, новые и духом и формой, последние пьесы отличаются глубиной, силою». В.А. Жуковский писал: «Он лишён был наслаждения видеть Европу, ему нельзя было свободно ездить по России, своему избранному обществу читать свои произведения».

«Для вдохновения нужно сердечное спокойствие. А я совсем не спокоен» – это из письма Пушкина Плетнёву. Состояние души – одна из наиболее сложных проблем медицины, но можно с большой долей вероятности предположить, что длительный психоэмоциональный стресс последнего периода жизни поэта сформировал у Пушкина тяжёлый депрессивный синдром.

Похоронная процессия. Рисунок Пушкина на рукописи повести «Гробовщик». Болдино. 1830

Медицинские исследования и наблюдения доказывают, что тяжёлые депрессивные состояния нередко приводят людей к мыслям о самоубийстве. Стал ли Пушкин жертвой этого синдрома, сказать сегодня трудно, но информация к размышлению имеется. Как имеется и версия о том, что автором пасквиля, послужившего поводом для трагических событий, был... сам Александр Сергеевич. Пролить свет тут могли бы письма Пушкина к Наталье Николаевне или к П.А. Плетнёву, поиски которых продолжаются более полутора веков.

Мирный исход не предусмотрен

Но вернёмся к январским дням 1837 года. Зима в том году выдалась снежная, несмотря на ясную погоду; дули довольно сильные ветры. Так было и в тот роковой день 27 января, приближавшийся уже к 5 часам пополудни, когда в окрестности Петербурга на Чёрной речке Пушкин дрался на дуэли с Дантесом и был смертельно ранен в живот. После этого его жизнь продолжалась ещё целых 48 часов – двое суток физических и душевных мучений.

Условия дуэли были жестокие: стреляться с 10 шагов из крупнокалиберных длинноствольных пистолетов «до смерти одного из противников», в случае безрезультатности выстрелов дуэль возобновлять, исключить возможность мирного исхода поединка.

Не в первый раз Пушкин становился к барьеру, и не в его правилах было первым спускать курок. Ещё чаще дело не доходило до обмена выстрелами, а заканчивалось миром. Поединок с Дантесом был его 21-й дуэлью. Пушкин часто в буквальном смысле гонялся за смертью, играл с ней в поддавки. Так было, когда он отправился на Кавказ, где шла война с горцами, и когда друзья чудом спасли его от неминуемой гибели.

...Противники заняли исходные позиции и по сигналу Данзаса стали сближаться. Пушкин стремительно подошёл к барьеру и начал наводить пистолет. Дантес опередил его и выстрелил, не дойдя до барьера. Пушкин упал лицом в снег. Но ещё не успело умолкнуть эхо выстрела, как раненый, чуть приподнявшись, потребовал своего права на выстрел. У Пушкина хватило сил твёрдой рукой навести пистолет и спустить курок. Увидев падающего навзничь Дантеса, он воскликнул: «Bravo!» – и потерял сознание, не зная, что только ранил противника в руку, которой тот прикрывал грудь.

Дуэль А.С. Пушкина с Ж. Дантесом. Худ. А. Горбов

Между тем кровь из раны Пушкина лилась обильно. Она пропитала шинель под ним и окрасила снег. Секунданты на руках донесли его до саней, уложили и поплелись по тряской дороге, потом пересадили в карету. По дороге раненый периодически терял сознание. В 6 часов вечера смертельно раненного Пушкина привезли домой. Камердинер поэта Никита Козлов взял его «в охапку» и понёс в дом. Согласно воле Пушкина, его внесли в рабочий кабинет. Он сам велел подать себе чистое бельё, разделся и лёг на диван. Жена была его первой заботой: её надо было подготовить и снять с неё груз ответственности за произошедшее. Увидев Наталью Николаевну, Пушкин начал её успокаивать, говоря, что рана его не опасна, и попросил уйти из кабинета.

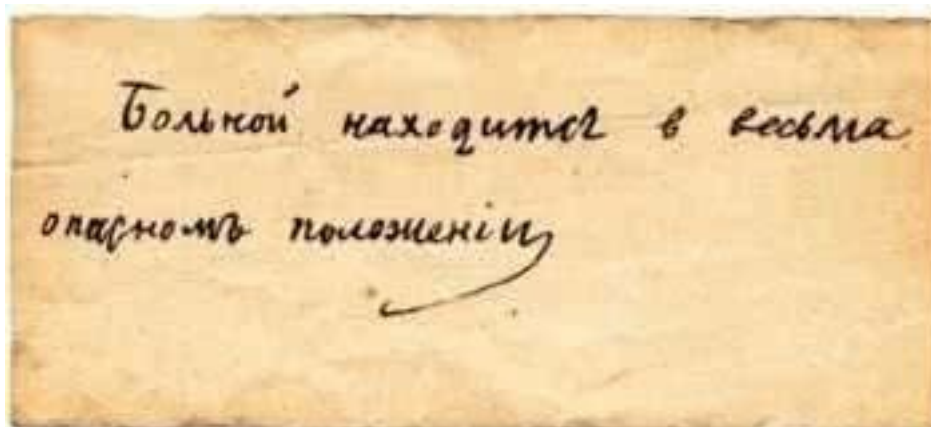
Возвращение Пушкина с дуэли. Худ. П. Борель

Роковой час

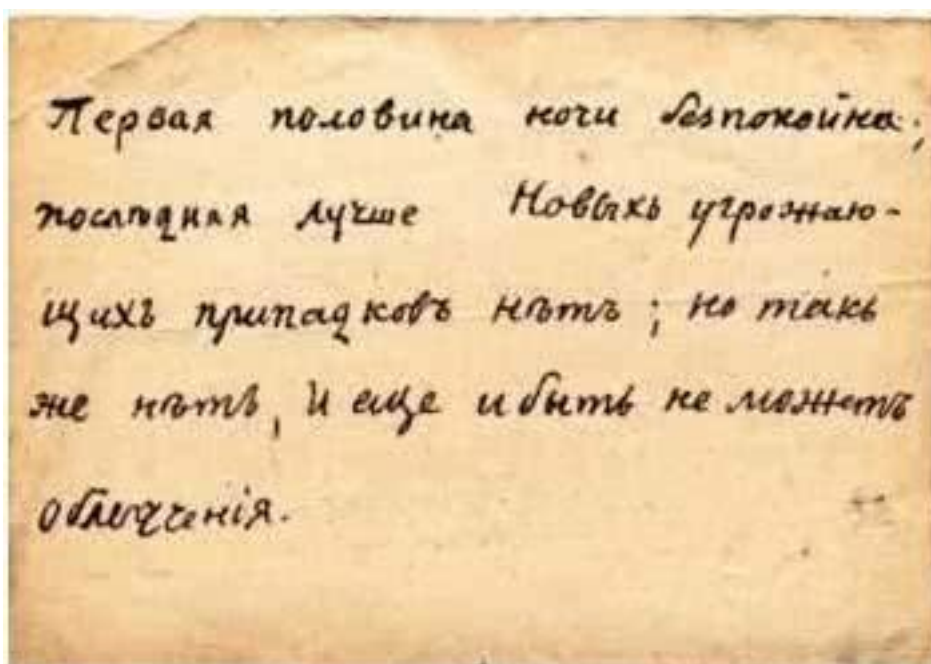

Василий Андреевич Жуковский. Худ. К. Брюллов

Узнав о случившемся, в дом Пушкина стали съезжаться друзья. Прежде всех прибыли князь и княгиня Вяземские, Жуковский, А.И. Тургенев, граф Вельгорский и Плетнёв. Уже в те дни они понимали, что будущие поколения захотят узнать о происходившем как можно больше, и каждый из них записывал, что видел и слышал, фиксировал каждое слово, движение, вдох, чтобы составить полное представление о последних часах жизни великого поэта. Эти воспоминания и письмо Жуковского к отцу поэта положили начало трагической Пушкиниане...

Как медицинский документ, история болезни АС. Пушкина не велась. И это, конечно, было большим упущением врачей, собравшихся у постели умирающего. При жизни о его ранении был написан лишь один, скорее полицейский, чем медицинский, документ – донесение в полицию о состоявшейся дуэли между камер-юнкером Александром Пушкиным и поручиком кавалергардского Её Величества полка бароном Геккереном.

Город ещё только просыпался, а молва, что умирает раненый поэт, уже стремительно распространялась по Петербургу. В.А. Жуковский в вестибюле дома на Мойке вывешивал краткие бюллетени, последний состоял из пяти слов: «Больной находится в весьма опасном положении».

Вся «история болезни» Пушкина представляет собой протокол мужества. Доктор Арендт, который наблюдал много смертей на своём веку, сказал, не скрывая слёз: «Никогда не видел такого терпения». К лечению поэта были привлечены лучшие специалисты Санкт-Петербурга. Кто же были эти врачи?

Николай Фёдорович Арендт. Художник Луиджи Марта.

Руководил процессом лечения Н.Ф. Арендт – доктор медицины, опытнейший хирург с мировым именем, лейб-медик Николая Первого. Его приглашали повсюду: от него ждали спасения даже тогда, когда все медики произносили неумолимый приговор. Карл Задлер – доктор медицины, главный врач придворного госпиталя.

В.Б. Штольц – профессор акушерства; он первый осмотрел рану Пушкина и перевязал её. Х.Х. Саломон – доктор медицины, академик, профессор. И.В. Буяльский – доктор медицины, академик, профессор, блестящий хирург. Е.И. Андриевский – доктор медицины, первый президент Общества русских врачей, специалист по лечению перитонита. И.Т. Спасский – доктор медицины, профессор, академик, врач широкого профиля, домашний врач семьи Пушкиных. В.И. Даль – автор толкового словаря, писатель, в прошлом военный хирург, в 1833 году ушёл из медицины; он прибыл без приглашения и ухаживал за Пушкиным по праву дружбы.

Многоопытный хирург Н.Ф. Арендт, оказывавший помощь раненым в 30 боевых сражениях, сразу оценил безнадежность положения Александра Сергеевича, и привычная «маска» врача – добродушная улыбка – сползла с его лица. Пушкин, этот пронизательнейший из людей, мог и не задавать вопроса, но он всё же спросил, что думает Арендт о его ранении, и попросил отвечать откровенно, каково его положение. И прибавил, что какой бы ответ ни был – он его испугать не может. Арендт ответил: «Рана ваша опасна, и к выздоровлению вашему я почти не имею надежды».

Профессор Христиан Христианович Саломон

Профессор Илья Васильевич Буюльский

Профессор Василий Богданович Штольц

Арендт сделал простейшие назначения больному: абсолютный покой, холод на живот и холодное питьё. Возможно, тогда же, боясь усилить внутреннее кровотечение, он отменил зондирование раны и отказался от мучительной и бесперспективной операции, что соответствовало золотому правилу Гиппократов: «Не навреди», – однако нарушил другое правило: «Окружи больного любовью и разумным утешением; но, главное, оставь его в неведении того, что ему предстоит, и особенно того, что ему угрожает». И не дал Пушкину ложной надежды на возможность исцеления. Через сто лет некоторые хирурги упрекнули Арендта за это. Однако следует ли осуждать врачей, не скрывших правду от раненого Пушкина? Видимо, незаурядность личности великого поэта не позволила им прибегнуть к утешительной лжи.

Владимир Иванович Даль. Неизв. худ. 1830-е

После осмотра раны Пушкина врачи сделали вывод: ранение проникающее, слепое, с повреждением мягких тканей живота, с многооскольчатыми переломами костей таза, раздроблением крестца. Н.Ф. Арендт выбрал консервативную тактику лечения. Больному давали лавро-вишнёвую воду, каломель, опиум. Через 12 часов после ранения, в 5 часов утра 28 января, доктор Арендт обнаружил у больного явные клинические признаки перитонита, или воспаления брюшины (серозной оболочки, выстилающей стенки брюшной полости и органов), что подтвердили в своей записке Даль и Спасский, которые позже произвели вскрытие тела Пушкина.

* * *

Из воспоминаний П.А. Плетнёва: «Пушкин заставил всех присутствующих сдружиться со смертью, так спокойно он ожидал её, так твёрдо был уверен, что роковой час ударил. Почти всю ночь продержал он меня за руку, по часу просил ложечку холодной воды или крупинку льда, тёр себе виски льдом, сам снимал и накладывал на живот примочки. Собственно, от боли страдал он, по словам его, не столько, как от чрезмерной тоски. “Ах, какая тоска! – восклицал он, закидывая руки за голову. – Сердце изнывает”. Когда тоска и боль его одолевали, он крепился усиленно, и на слова мои: “Терпеть надо, любезный друг, делать нечего, но не стыдись своей боли, стонай, тебе легче будет” – Пушкин отвечал отрывисто: “Нет, не надо стонать, жена услышит”. Пульс стал падать приметно и вскоре исчез вовсе, руки начали стыть». Ударило 2

часа пополудни 29 января, и в Пушкине оставалось жизни только на три четверти часа. Он открыл глаза и попросил мочёной морошки; когда её принесли, он сказал внятно: «Позовите жену, пусть она покормит». Наталья Николаевна опустилась на колени у изголовья умирающего, приникла лицом к челу мужа. Пушкин погладил её по голове и сказал «Ну, ничего, слава Богу, всё хорошо. Поди».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.